Z 40
907

Ф
60353
Ч40
907

КЪ 300-ЛѢТІЮ НИЖЕГОРОДСКАГО ПОДВИГА (1611—1911).

С. М. ПАРІЙСКІЙ.

КНЯЗЬ ДМИТРІЙ МИХАЙЛОВИЧЪ ПОЖАРСКІЙ.

Памятникъ Минину и Пожарскому въ Н.-Новгородѣ.

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ.
НИЖНІЙ-НОВГОРОДЪ.
1912.

Кис
7 13 В3

240 907
61078
Ф

К 300-лѣтію Нижегородскаго подвига (1611—1911).

С. М. ПАРІЙСКІЙ.

КНЯЗЬ
Дмитрій Михайловичъ Пожарскій.

314

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ
Нижегородской Губернской Ученой Архивной Коммиссіи.
1912.

Ж. изд. 5

Государ. публичная
Историческая
библиотека РСФСР
№ 24983 1983

НИЖНІЙ-НОВГОРОДЪ
Типо-литографія „Нижегородское Печатное Дѣло".

КНЯЗЬ

Дмитрій Михайловичъ Пожарскій.

„Лихолѣтьемъ» прозвали русскіе люди то ужасное смутное время, когда, триста лѣтъ тому назадъ, прекратился царскій родъ со смертію въ 1598 г. послѣдняго царя изъ дома Рюрика—Феодора Іоанновича, а вновь избраннымъ царемъ Борисомъ Годуновымъ не всѣ были довольны;—со смертію его появляются одинъ за другимъ самозванцы, а иноземцы пользуются слабостью Руси, терзаютъ ее со всѣхъ сторонъ. Гнетутъ ее и свои

русскіе измѣнники. Не было царя и Русь осталась безъ главы, безъ руководителя, а бѣдствіямъ не предвидѣлось и конца. Въ Московскомъ Кремлѣ засѣли уже поляки, которые своего королевича Владислава хотѣли посадить на русскій престолъ,—Гермогена, патріарха, вѣрнаго и крѣпкаго стоятеля за русское дѣло, въ „тѣснотѣ“ держали, въ плѣну. Подъ Смоленскомъ стоялъ король польскій Сигизмундъ, желая разорить землю русскую. На сѣверѣ, въ Новгородскихъ областяхъ безчинствовали и грабили шведы. «И бысть, говоритъ лѣтописецъ, веліе уныніе и мятежъ во всей земли русской».

Вотъ въ это-то безотрадное время и нашлись добрые люди,

которые желали спасти измученную, изстрадавшуюся родину отъ вражеской напасти, откликнулись на грамоты страдальца патріарха Гермогена, призывавшаго русскихъ людей къ объединенію противъ враговъ родины.

Изъ Нижняго-Новгорода на Волгѣ раздается призывъ къ освобожденію. Земскій староста, «ремесломъ говядарь», «торговецъ мясу и рыбы въ требованіе людямъ» **Кузьма Захарьевичъ Мининъ-Сухорукъ** огненною рѣчью поднимаетъ населеніе нижегородское, призываетъ не жалѣть своихъ пожитковъ, собрать ратныхъ людей и итти на освобожденіе Москвы, а съ нею и всей Родины—Руси.

Нижегородцы къ сердцу при-

няли слово своего земскаго старосты, несъ къ нему всякій кто что могъ и «казны становишася много». Теперь дѣло стояло за начальникомъ, «которому бы ратное дѣло было за обычай». «И вздумаша послати бити челомъ къ стольнику **Князю Дмитрію Михайловичу Пожарскому**», потомку древняго рода князей Стародубскихъ. Въ то время Пожарскій лечился у себя въ Суздальской вотчинѣ, верстахъ въ ста двадцати отъ Нижняго, отъ ранъ, полученныхъ въ борьбѣ съ врагами при осадѣ Москвы.

Отправлены были нижегородцами къ Пожарскому послы—печерскій Архимандритъ Ѳеодосій и старѣйшій изъ служилыхъ людей Жданъ Болтинъ съ выборными

посадскими людьми просить его въ начальники ополченія.—Князь Д. М. Пожарскій согласился на просьбу нижегородцевъ и заявилъ, что „онъ радъ страдать до смерти за православную вѣру“ и посовѣтовалъ имъ выбрать изъ своей среды человѣка для завѣдыванія казною, „кому бы быти съ нимъ у такого великаго дѣла, и казну собирати“, кому бы то дѣло было за обычай, указавъ на Минина, какъ на человѣка въ такомъ дѣлѣ бывалаго.

Кузьма Мининъ согласился и потребовалъ приговора „за руками“, т. е. за подписями въ томъ, чтобы слушаться во всемъ его и князя Пожарскаго и давать деньги на жалованье и содержаніе ратныхъ людей.

Нижегородцы «даша ему приговоръ за своими руками». По составленіи такого приговора, Мининъ обложилъ всѣхъ «пятою» деньгою, т. е. должны были вложить на общее дѣло пятую часть имущества и «бралъ Мининъ по пожиткамъ и промысламъ», а иногда приходилось по приговору брать и «нужею», т. е. насильно съ тѣхъ, кто не хотѣлъ давать. Нашлись при этомъ, какъ всегда бываетъ на Руси, и доброхотные жертвователи.

Въ концѣ октября, послѣ «Дмитріева дня», т. е. послѣ 26 октября 1611 года, кн. Д. М. Пожарскій прибылъ въ Нижній и «нижегородцы его стрѣтиша и пріяша его съ великою честью».

Такъ образовалось нижегородское ополченіе, которое скоро стало общерусскимъ, и во главѣ этого ополченія—князь Д. М. Пожарскій и выборный человѣкъ Кузьма Мининъ.

Почему же нижегородцы выбрали князя Д. М. Пожарскаго, а не другого кого? Вѣдь были и знатнѣе и искуснѣе его? Отвѣтъ простой: «онъ въ измѣнѣ не явился». Знали нижегородцы и прежнюю его «прямую службу, что въ нужное и прискорбное время, противъ враговъ-поляковъ, сторонниковъ самозванцевъ, своихъ русскихъ измѣнниковъ и воровъ—онъ стоялъ крѣпко и мужественно и многую службу и дородство показалъ, а на воровскую прелесть и смуту

ни на которую не покусился, стоялъ въ твердости разума своего непоколебимо и крѣпко безо всякія шаткости»...

Вѣсть о нижегородскомъ движеніи быстро распространилась по окрестнымъ городамъ и скоро стали стекаться въ Нижній подъ знамя Пожарскаго служилые и ратные люди, которымъ нижегородцы «давали денежное жалованье неоскудно», и «кормы и трапезами учреждаше—(снабжали) ихъ, и во оружіи готовы ко брани устрояше ихъ».

Однако, Мининъ и Пожарскій не спѣшили походомъ къ Москвѣ, они понимали, что нужно прежде «привести сосѣдей къ общему совѣту», къ общему согласію въ ве-

ликомъ дѣлѣ спасенія родины и «очищенія Московскаго государства». Нужно было сдружить людей, уничтожить всякую рознь; подыскать надежныхъ воеводъ, запастись оружіемъ и „кормами“ —хлѣбными запасами.

На все это понадобилось не мало время и только въ концѣ февраля 1612 года ополченіе выступило въ походъ вверхъ по Волгѣ къ Ярославлю.

О нижегородскомъ движеніи узнали и въ Москвѣ и подъ Москвою. Поляки и бояре-измѣнники приступили къ плѣненному патріарху Гермогену, чтобы онъ написалъ грамоту къ нижегородцамъ о прекращеніи похода, а стойкій и преданный своей родинѣ святитель

наотрѣзъ отказалъ имъ и благословилъ ополченіе. «Да будетъ надъ ними милость отъ Бога и наше благословеніе, а на васъ, измѣнниковъ, да изліется гнѣвъ Божій и да будете вы прокляты въ семъ вѣкѣ и въ будущемъ». Тогда страдальца-патріарха заперли еще тѣснѣе и 17 февраля 1612 года патріархъ Гермогенъ скончался, какъ говорятъ, отъ голода.

Народъ съ радостью всюду встрѣчалъ ополченіе, доставлялъ ему деньги и ратныхъ людей и въ то же время требовалъ избранія царя.

Въ Ярославль ополченіе прибыло во второй половинѣ марта. Здѣсь пришлось остановиться и пробыть довольно долго.

Когда ополченіе двигалось еще къ Ярославлю, пришла вѣсть, что подъ Москвою творится недоброе: воевода Трубецкой и предводитель казаковъ Заруцкій, осаждавшіе Москву, гдѣ засѣли поляки, «умысля воровствомъ», дали присягу новому самозванцу, который появился въ Псковѣ, какому-то Сидоркѣ. Заруцкій послалъ свои отряды захвативъ города, лежащіе на дорогѣ нижегородскому ополченію, въ томъ числѣ и Ярославль. Отъ Ярославля, впрочемъ, они были отбиты передовыми отрядами Пожарскаго.

Въ новгородскихъ и псковскихъ предѣлахъ хозяйничали шведы. Пожарскій и Мининъ послали по городамъ воеводъ съ ратными людь-

ми, чтобы не явилось тамъ какой шаткости. Со шведами заведены были переговоры, чтобы затянуть время и отвлечь ихъ вниманіе отъ начатаго нижегородцами дѣла. А переговаривались о томъ, чтобы быть на русскомъ престолѣ шведскому королевичу Филиппу, „а того у нихъ—у Пожарскаго и земскаго совѣта—и въ думѣ не было, чтобы взять на Московское государство иноземца".

До конца іюля оставалось ополченіе въ Ярославлѣ. За это время воеводы, посланные Пожарскимъ „во многихъ мѣстахъ польскихъ и литовскихъ людей и черкасъ побили", а 6 іюня „князь Дмитрій Трубецкой, Иванъ Долгорукой и воеводы прислали въ Ярославль

повинную грамоту за своими руками" и выразили желаніе присоединиться къ народному ополченію. Правда, это раскаяніе было не совсѣмъ искреннимъ. Заруцкій наружно показывалъ смиреніе, а внутри таилъ желаніе погубить князя Д. М. Пожарскаго. Подосланы были убійцы. Покушеніе, однако, не удалось. Заруцкій тогда бѣжалъ изъ подъ Москвы на югъ, захвативъ въ Коломнѣ вдову перваго сомозванца Марину „съ воренкомъ"—ея сыномъ. Трубецкой, между тѣмъ, просилъ помощи противъ поляковъ, силы которыхъ увеличивались новыми полчищами, шедшими къ Москвѣ съ гетманомъ (военачальникомъ) Ходкѣвичемъ, и звалъ Пожарскаго

поспѣшить на помощь къ Москвѣ. О помощи и поспѣшеніи просила и братія Троице-Сергіева Монастыря, тоже терпѣвшаго отъ враговъ.

На пути къ Москвѣ князь Д. М. Пожарскій, поручивъ начальство надъ ратью князю Хованскому и Минину, заходилъ „въ Суздаль помолиться ко Всемилостивому Спасу и чудотворцу Евфимію и у родительскихъ гробовъ проститься". Въ Ростовѣ онъ принялъ снова начальство надъ ратью.

Послѣ небольшой остановки у Троице-Сергіева монастыря, Пожарскій съ ополченіемъ подошелъ около 20 августа къ Москвѣ и долженъ быть вступить въ ожесточенную борьбу съ гетманомъ

Ходкѣвичемъ, подошедшимъ на помощь осажденнымъ въ кремлѣ полякамъ, и заставилъ его уйти отъ Москвы. Битва продолжалась почти безпрерывно цѣлыхъ три дня и побѣжденный гетманъ Ходкѣвичъ со стыдомъ бѣжалъ отъ Москвы, „браду свою кусая зубами и царапая лицо руками“.—Это было 25 августа 1612 года.

Поляки къ Кремлѣ поставлены были въ крѣпкую осаду и испытывали страшный голодъ, питаясь мясомъ кошекъ, собакъ и людей, выкапывая даже трупы изъ могилъ. „Какъ убо взяли Китай-Городъ (часть Москвы), то сами видѣхомъ, пишетъ очевидецъ осады, очима своима, что многіе чаны насолены быша человѣческими

мясами". „Поляки, чтобы освободить себя отъ безполезныхъ ртовъ, стали выпроваживать изъ Кремля голодныхъ", между прочимъ и боярынь, которые сидѣли въ осадѣ. Пожарскій принималъ этихъ боярынь „съ честью, повелѣ имъ кормъ давати", за что казаки хотѣли убить его. Сдались скоро и поляки.

27-го октября, по сдачѣ Кремля, вступили въ Кремль съ крестами, иконами и молебнымъ пѣніемъ.

Со слезами и умиленіемъ молился народъ и благодарилъ Бога, Спасшаго Русь „отъ конечнаго потребленія" и „уставиша праздникъ торжественно праздновати (22-го октября—Казанской Иконы Божіей Матери) о таковой дивной побѣдѣ. Даже и донынѣ празднуютъ

людіе, да незабвенна будетъ милость Божія въ преходящіе роды.

Князь Д. М. Пожарскій и его достойный сподвижникъ—Кузьма Мининъ свершили свой подвигъ: очистили Москву отъ враговъ объединили Русь. Нужно было избрать царя „всею землею“ „по Божію изволенію“.

Вскорѣ послѣ очищенія Москвы съ начала ноября 1612 года, идутъ грамоты по городамъ „о обираньѣ государскомъ“ отъ великаго земскаго Совѣта во главѣ съ княземъ Трубецкимъ и Пожарскимъ,—чтобы власти и выборные люди ѣхали въ Москву, договорясь въ городахъ накрѣпко и взявъ у всякихъ людей о государскомъ выборѣ полные договоры“.

Собраніе этихъ выборныхъ или земскій соборъ и избралъ, какъ извѣстно, 21-го февраля 1613 года **Михаила Ѳеодоровича Романова**, родоначальника царствующаго дома Романовыхъ.

Князь Д. М. Пожарскій подписался подъ избирательною грамотою за себя и за князя Хованскаго и ѣздилъ встрѣчать новаго царя, проживавшаго во время Собора вмѣстѣ съ своею матерью инокинею Маѳою въ Костромскомъ Ипатьевскомъ монастырѣ. Новоизбранный государь прибылъ изъ Костромы въ Москву послѣ Великаго дня, т. е. послѣ Пасхи.

Во время царскаго коронованія 11 іюля 1613 г. князь Д. М. Пожарскій занималъ среди другихъ

бояръ важное и почетное мѣсто, приглашенъ былъ потомъ во дворецъ къ царскому столу и награжденъ саномъ боярина, а впослѣдствіи землями и помѣстьями.

Однако, молодой государь нуждался въ такихъ людяхъ, какъ Пожарскій, и послѣ смуты.—Грабятъ и разоряютъ беззащитныхъ жителей остатки польскихъ и казацкихъ воровскихъ шаекъ; нападаютъ поляки на русскіе порубежные города и мѣстечки,—посылаетъ царь вмѣстѣ съ другими своего испытаннаго въ бояхъ и крѣпкаго въ разумѣ воеводу Пожарскаго противъ врага. Воеводствуетъ онъ и въ разныхъ городахъ, утверждая власть новоизбраннаго царя и защищая эти города отъ враждебныхъ сосѣдей.

Нуженъ честный, безкорыстный человѣкъ для сбора денегъ „пятой деньги“ съ торговыхъ людей, а съ остальныхъ кто что дастъ на содержаніе ратныхъ людей во время польской войны въ 1632 году, приставленъ былъ къ этому дѣлу опять таки тотъ же Пожарскій.

Вѣдалъ онъ въ разное время „разбойныя и судныя дѣла“, „татьбы и душегубства“,—„помѣстныя дѣла“, о помѣстьяхъ и вотчинахъ, —ямскія дѣла—сборъ денегъ на ямщину, на содержаніе ямщиковъ и поставку ихъ на нужды государевы и т. п. Словомъ, довѣрялъ царь своему боярину и въ большихъ и въ малыхъ дѣлахъ, въ важныхъ и незначительныхъ порученіяхъ, а заслужилъ онъ эту довѣренность

еще прежде, у всего народа, „и многую свою службу и правду царю и ко всему Московскому государству показалъ". За честность стойкость, прямоту и вѣрность Пожарскаго честилъ и награждалъ его государь по царски: часто приглашалъ его къ своему столу въ торжественные и царскіе дни и большіе праздники; не разъ оставлялъ его въ Москвѣ своимъ намѣстникомъ, „для береженья", когда самъ уѣзжалъ изъ Москвы на богомолье. На обѣихъ свадьбахъ Государевыхъ (1624 и 1626 г.г.) онъ былъ вторымъ дружкой, и супруга его Прасковья Варѳоломеевна свахою съ Государевой стороны. Жаловалъ Государь, какъ уже сказано выше, своего вѣр-

наго слугу землями и помѣстьями.

Вѣрный сынъ родины—князь Д. М. Пожарскій былъ и усерднымъ сыномъ церкви. Безъ молитвы и Божія благословенія онъ не начиналъ никакого дѣла; отправляясь въ походъ подъ Москву, онъ нарочно поѣхалъ въ Суздаль, „помолиться Всемилостивому Спасу и у родительскихъ гробовъ проститься“. Памятникомъ благочестія и набожности князя Д. М. Пожарскаго служатъ—Московскій Казанскій соборъ, который былъ построенъ имъ на собственное иждивеніе и въ который онъ пожертвовалъ присланную изъ Казани Икону Богоматери, украсивъ ее драгоцѣнными камнями и многочисленные

вклады въ церкви и монастыри, особенно въ Спасо-Евфимьевскій Суздальскій. Въ 1620 году Пожарскій возобновилъ Макарьевскій Желтоводскій монастырь, разоренный еще въ XV вѣкѣ въ нашествіе татарскаго хана Улу-Махмета.

Вѣрный слуга царя, ревностный сынъ родины и усердный сынъ св. церкви—князь Д. М. Пожарскій скончался въ Москвѣ въ 1642 году, 64 лѣтъ отъ роду.—Тѣло его погребено въ Суздальскомъ Спасо-Евфимьевскомъ монастырѣ. Памятникъ—усыпальница сооруженъ на средства, полученныя отъ Всероссійской подписки и открытъ 2-го іюня 1885 года. На памятникѣ скромная надпись: „Боярину князю

Дмитрію Михайловичу Пожарскому —благодарное потомство", а посреди усыпальницы на мраморной плитѣ: „Приснопамятному вождю Д. М. Пожарскому, отвратившему конечную гибель отечества отъ поляковъ въ 1611 году".

Въ Москвѣ и въ Нижнемъ-Новгородѣ, въ двухъ главныхъ мѣстахъ дѣятельности князя Пожарскаго, поставлены на память потомству памятники князю Пожарскому и его знаменитому сподвижнику—славному гражданину Нижегородскому Кузьмѣ Минину.

Родъ князя Д. М. Пожарскаго по мужской линіи пресѣкся въ 1685 году со смертію его внука князя Юрія Ивановича Пожарскаго.

Имя князя Дмитрія Михайловича

Пожарскаго тѣсно связано съ именемъ его знаменитаго сподвижника Кузьмы Захарьевича **Минина** и память о нихъ и объ ихъ дѣлѣ вѣчна будетъ въ русскомъ народѣ, ихъ слава перейдетъ „въ роды родовъ“ и, какъ **спасителямъ отечества— Гражданину Минину и князю Пожарскому вѣчно благодарна будетъ Россія“.**

ИЗДАНІЕ

Нижегородской Губернской Ученой Архивной Комиссіи.